

ББК 63.0 УДК 930.2 В 74

Печатается по решению Совета исторического факультета и Редакционно-издательского совета Адыгейского государственного университета

Редакционная коллегия: Шеуджен Э.А., доктор исторических наук, профессор (научный редактор); Маркова С.П., кандидат исторических наук, профессор; Нефляшева Н.А., кандидат исторических наук, доцент (зам. научного редактора); Почешхов Н.А., кандидат исторических наук, доцент.

В сборнике представлены статьи по теоретическим, историографическим и источниковедческим проблемам истории. В них находят отражение как вопросы общего плана, так и регионального. Распределение статей по рубрикам несколько условно, поскольку авторам далеко не всегда удается разграничить разные стороны данной проблемной совокупности. Статьи объединяет стремление авторов выразить свое отношение к наиболее значимым направлениям развития исторического знания. Многие положения носят «постановочный» характер и не претендуют на абсолютность предлагаемых выводов.

При всех условиях мы рассматриваем данный сборник как новый шаг на пути углубленного осмысления теоретических проблем истории. Сборник рассчитан на преподавателей, аспирантов и студентов исторических факультетов, на всех, интересующихся проблемами истории.

Э.А. Шеуджен «МИР ИСТОРИИ»: КОНТУРЫ ПРОБЛЕМЫ

«Мир истории» — совершенно особый мир, уникальный, неповторимый, постоянно переходящий из одного состояния в другое, со сложным переплетением составляющих, исчезающий и вновь возникающий из глубин прошлого. Проникнуть в этот мир пытались десятки поколений историков, каждый раз убеждаясь, что в лучшем случае оказались на его туманных пространствах, а перед ними, по-прежнему, простирается полная тайн непознанная «территория Истории».

Данная статья — «ученическая» попытка осознания лишь некоторых составляющих этого сложного Мира. Проблемы возникают, начиная с обращения к понятию «история»: история - это прошлое и, в тоже время, наука об этом прошлом. Соотношение этих аспектов, их взаимодействие представляет одну из важных проблем методологии истории.

Естественной реакцией на эти базовые положения стала традиционная ориентация истории на изучение прошлого. «История, - писал К. Ясперс, - всегда ясное для человека прошлое, сфера усвоения этого прошлого, сознание своего происхождения»¹. Весьма оптимистическое утверждение, поддерживающее веру в способность человека познать прошлое! И тем не менее хорошо известно, что история — отнюдь далеко не всегда «ясное для человека прошлое». Вокруг этой проблемы продолжают незатихающие дискуссии. В ходе её обсуждения была высказана заслуживающая внимания идея (Л. Февр, О. Шпенглер и др.) об истории как науке о будущем. При всей кажущейся противоречивости эти позиции скорее дополняют друг друга, чем

вступают в противоречия.

«Мир истории» весьма подвижен, динамичен. Еще с античности была известна трехчленная схема исторического времени: «прошлое—настоящее—будущее», а история воспринималась как процесс, протекающий во времени. В историографии сложились такие понятия, как историческое «движение», «изменение» и «процесс», нередко используемые как синонимы. Впрочем, некоторые исследователи считают, что «движение» - наиболее общая историософская категория, имеющая значимые различия по сравнению с другими².

Нельзя не учитывать и другие точки зрения. Так, П. Сорокин в качестве наиболее общей категории выделял «процесс». Под процессом он подразумевал любой вид движения, модификации, трансформации, чередования или эволюции, то есть любое изменение, как качественное, так и количественное, объекта истории во времени и пространстве³. В свое время к этой проблеме обращался и В.О. Ключевский, считавший необходимым «условиться» в определении объема понятия «исторический процесс», под которым он понимал развитие, взаимодействие и перерождение⁴.

Уже более двух с половиной тысячелетий существует три образа исторического процесса. Именно на их основе модифицируются современные концепции исторических изменений. Эти типы исторического движения принято обозначать как «прогрессивные», «регрессивные» и «циклические».

«Прогрессивные» концепции исторического развития основаны на представлении о том, что настоящее по избранному критерию (общественный прогресс, физический прогресс человеческой природы, моральный прогресс, умственный прогресс и т.п.) превосходит прошлое, а будущее будет превосходить настоящее.

Прогресс в историографии можно рассматривать как особый случай прогресса в культуре. Несомненно, прогресс в естественных науках осуществляется быстрее и более заметен. История, в этом смысле, - «медленная наука». Нередко очень трудно выявить прогрессивные изменения на протяжении хронологически ограниченного времени (годы, десятилетия, а иногда и века) - оценочным характеристикам мешает незавершенность исторических явлений, невозможность увидеть их общественнозначимые результаты и последствия.

В связи с тотальной критикой марксистской методологии широкое распространение получает негативное отношение к феномену прогресса. На первый план выдвигаются проблемы кризиса цивилизации, глобальных катастроф, выживания человечества, деградации морали. Теперь о прогрессе принято говорить как о пережитке прошлого, но для многих, по-прежнему, прогресс остается одной из самых интересных и исследовательски притягательных проблем человеческой истории, «величественной драмой», «смысл которой мы можем достаточно понять, чтобы должным образом выполнить в ней свою роль, но развязку которой мы не в состоянии предугадать»⁵.

Интересные подходы удалось выработать в результате преломления идеи прогресса к процессу развития исторического знания. Возникла так называемая доктрина Кроче-Вайна (по имени философов и историков Б. Кроче и П. Вайна), смысл которой сводится к утверждению, что происходит постоянное обогащение интеллекта истории, но не за счет того, что по сравнению с предшествующими поколениями мы лучше знаем результаты событийной истории, а потому, что современные историки достигли большей казуистики в интерпретации этих событий⁶.

В противоположность оптимистической, прогрессивной, «регрессивная» концепция отражает пессимистический взгляд на историю: настоящее уступает прошлому, а будущее будет уступать настоящему (как бы «прогресс к худшему», «взгляд назад»). Исходя из данной концепции возможно исследование «откатных» явлений в историографии, когда по разным причинам, как объективным, так и субъективным, на столетия утрачивались блестящие идеи, «забывались» исследовательские методы, прерывались научные традиции. Более того, увеличение объема исторических знаний отнюдь не означает его развития, сущностных прогрессивных изменений.

Циклическая схема исторического процесса, как и две другие, учитывает факт изменений, но эти изменения имеют ограниченный диапазон: циклы периодически повторяются в неизменной последовательности. Сегодня к идее цикла, цикличности обращаются многие историки, философы, социологи. В значительной степени это объясняется современной исторической ситуацией и, прежде всего, проявлениями кризисного характера, а кризис, как известно, является неотъемлемой «нисходящей» составляющей любой циклической концепции истории. Так, в теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского это — «дряхление и умирание» народов⁷, у А. Тойнби — «надлом и распад» цивилизации⁸, у Л.Н. Гумилева - «спад или надлом» этногенеза, сумерки этноса⁹.

К факторам, поддерживающим в наши дни интерес к циклической концепции, с полным основанием можно отнести «круглые даты» - конец столетия и конец второго тысячелетия новой эры. Подобные временные отрезки всегда воспринимались не только как хронологические величины, но и символизировали рубеж-ность, переломность этапов человеческой истории («на рубеже веков», «на сломе веков» и т.д.). Частью этой проблемы является почти мистический вопрос о смысловом несовпадении представлений о «веке» с его хронологией. Эта идея в образной форме была выражена в парадоксальном утверждении А. Ахматовой: «XX век начался осенью 1914 года, вместе с войной... Календарные даты значения не имеют»¹⁰.

Все три «образа» исторического процесса используются исследователями, начиная с античности и до наших дней. Периодически один из них начинает занимать доминирующее положение» но и другие никогда полностью не исчезали из сферы историко-философских размышлений. Особое место в развитии концепций исторического времени занимают хронологические системы, создававшиеся и использовавшиеся в разных странах в разные периоды, сформировавшиеся представления об

исторических эпохах, веках, стадиях, циклах, периодах.

Даже весьма общее представление о «Мире истории» невозможно без осознания категории «пространственное поле» истории и возможных границ его исследования. Пространственное поле истории представляет целое, включающее части, составляющие это целое. Всемирная история складывается (в зависимости от методологии) из частей, соответствующих цивилизациям, эпохам, формациям. В то же время она делится по пространственно-географическому принципу: изучая историю, мы четко представляем географическое положение предмета исследования, его пространственную протяженность в каждую конкретную эпоху. В одной из своих работ Г.В. Плеханов приводит рассказ о школьнике, которому казалось, что весь свет подразделен на две равные части: «Россию и за границу». Более того, единственными критериями, заслуживающими внимания, по его мнению, были различия между этими двумя «половинами» Земли, поскольку «за границу» он воспринимал как абсолютно однородное целое¹¹.

В современной как западной, так и отечественной историографии обычным объектом исследования является история национальных государств - России, Франции, Англии и т.п. В связи с этим возникает ряд вопросов. Насколько продуктивен такой подход и позволяет ли он проникнуть в суть общих исторических явлений и процессов? Можем ли мы абстрагировать историю одной страны от влияний извне, и какова, в свою очередь, степень влияния отдельной страны на остальной мир?

На эти вопросы пытались ответить многие историки, обратившиеся к философским проблемам. Наиболее интересен в этом смысле подход А. Тойнби. В качестве объекта анализа им была избрана история Великобритании, изоляция которой на протяжении нескольких веков определялась не только специфической политикой ее деятелей, но и особыми условиями «островного» государства. В результате А. Тойнби приходит к важному выводу, что даже Великобритания при своем особом положении «другой земли» не представляет собой самостоятельного, «умопостигаемого» поля исторического развития¹².

«Мир истории» имеет выраженную тенденцию к расширению границ. Еще в большей степени это может быть отнесено к новейшей истории. Все меньше стран игнорируются, остаются на исследовательской периферии. Современные информационные технологии, развитие международных контактов фактически «включили» все народы в историческое пространство, охватывающее мир.

Отсюда, по-видимому, проистекает условность исторического поля исследования, ограниченного национальными рамками отдельного государства. История каждой страны не может в должной степени проясниться до тех пор, пока она не будет рассмотрена в сопоставлении с историями других национальных государств, как часть более широкого общества. Воспринимать конкретные истории народов и государств возможно лишь «как голоса единого хора, которые имеют значение и смысл

в общем строе гармонии, но теряют их, как только становятся набором отдельно звучащих нот»¹³.

Многоструктурность, подвижность, специфичность «Мира истории» значительно осложняют его познание. Особенность объекта исторического изучения в том, что он представляет собой прошлое, которое невозможно ни возвратить и ни повторить. Более того, это безвозвратно ушедшее прошлое не доступно прямому наблюдению. К. Маркс, сравнивая человеческую историю с палеонтологией, подчеркивал, что даже те остатки прошлого, которые лежат на поверхности, часто оказываются не замеченными и не понятыми¹⁴. Однако наступает время, и обнаруживаются исторические напластования самых отдаленных эпох. Прошлое раскрывается для настоящего, но только тогда, когда само настоящее достигает должного уровня развития и возникает не только потребность, но и возможность научного осмысления прошлого.

Историческое пространство населено людьми - авторами и актерами «драмы истории». Независимо от их статуса именно в их действиях и чувствах фокусируются не только повседневные обстоятельства, но и глобальные проблемы истории: процессы политической, экономической, социальной и духовной эволюции. Главная особенность общественных наук, как и истории, в том, что в них происходит качественное совпадение объекта и субъекта познания. Как писал Р.Ю. Виппер, науку о жуках и грибах составляют посторонние им люди, а не сами объекты науки, в то время как в общественной науке изучаемый объект и изучающий субъект до известной степени совпадают¹⁵. Конечно, это совпадение не означает полного тождества, поскольку объект познания в своем прошлом существовании не зависим от историка, но, тем не менее, историк не может столь же беспристрастно судить о событиях и деятелях прошлого, как это, например, делает химик или биолог, изучая результаты эксперимента.

Важно учитывать и то обстоятельство, что историк всегда наблюдает отсутствующий объект, т.е. достоверность события, установленная розл; {асьшп, все равно остается достоверностью уже не существующего и не идентична реальности. Из этого вытекает и другая важная особенность исторического познания - историк не интерпретирует факты, а реинтерпретирует их интерпретацию, отразившуюся в источнике. Исходя из этого, особое значение для познания «Мира истории» приобретает проблема источников, их систематизация, приемы критического анализа.

Система источников подчинена строгой иерархии, как и общество, жизнь которого они отражают. Все документы поделены на категории, среди которых без труда можно выделить «привилегированных», «деклассированных», «разночинцев» и «люмпенов». Как пишет содиректор журнала «Аппалез» М. Ферро, во главе кортежа источников «красуются сверкающие письма автографов высоких особ и другие священные манускрипты, принадлежащие Магомету, Марксу или Мао. За ними следуют уже менее внушительные комментарии, законы, трактаты и хадисы, а также данные статистики. В хвосте кортежа плетутся, как смиренное третье

сословие, одетое в черное, документы, непосредственно касающиеся жизни общества и семьи»¹⁶. Все они становятся «окном» в прошлое, открывая самые неожиданные, потаенные страницы истории.

Источники повествуют о конкретных событиях. Причем события могут быть и реальными фактами, и вымыслом. Нередко бывает трудно разделить исторические события на «факты» и «вымысел»: у каждого составителя документов свои субъективные представления о важности происходивших событий, свой набор фактов. Можно было бы составить весьма обширный и интересный перечень «не фактов», в течение столетий воспринимаемых как весьма достоверные факты.

Выбор тех или иных событий в качестве «исторических фактов» зависит от особенностей исторической среды, уровня знаний, идеологических установок. Конечно, выбор фактов определяется и субъективными представлениями конкретного историка, его профессионализмом. Много из того, что удалось «добыть» Геродоту, расспрашивая «встречного и поперечного», представлялось ему «историческим фактом». Для средневековых хронистов эпизоды библейской истории были «историческими фактами» не в меньшей степени, чем непосредственно происходившие в их время события, участниками которых нередко они были сами. Значительное количество условных «исторических фактов» содержит и история советского общества.

Новое понимание исторического источника и исторического факта требует его непременно вписания в социально-культурный контекст. Для проникновения в «Мир истории» недостаточно «окна», надо суметь его «открыть» и понять то, что предстанет взору и уму. Важный этап работы историка с источниками как раз и состоит в критическом анализе описанных событий, в умении отделить факты от вымысла, ответить на вопрос: «Что это - миф или история?».

«До конца XIX-начала XX в., - подчеркивал Р. Дж. Коллингвуд, - исторические исследования находились в положении, аналогичном положению естественных наук догалилеевской эпохи... В сущности его (историографа - Э.Ш.) задача сводилась к тому, чтобы знать, что по интересующему его вопросу сказали «авторитеты», и к колышку их свидетельства он был накрепко привязан, сколь бы длинной ни была эта привязь»¹⁷.

При всей оригинальности высказанных положений с ними трудно безоговорочно согласиться. С того момента, как стали создаваться исторические сочинения, их авторы с различной степенью упорства и конечным результатом искали и совершенствовали методы исторического познания, все более углубляясь в пространство дошедших до них свидетельств. Более того, во все эпохи, во всех, или почти во всех национальных школах, к счастью, находились люди, не привязанные «к колышку» свидетельств авторитетов, смело входившие в реку познания, открывающие свои миры в истории.

По мере расширения пределов исторической науки усложнялись и

эволюционизировали исторические методы, приемы «добывания» необходимой, научно достоверной информации. Радикальному пересмотру подвергался круг источников: в научный оборот вводились коллекции, позволявшие преодолеть барьер привычного. Традиционные приемы работы историков с письменными источниками с помощью текстологии и палеографии заметно обогатились методами сопредельных смежных наук: социологии, антропологии, демографии, психологии, математики и лингвистики. Теперь историк оперирует совокупностью традиционных и современных методов для сбора, обработки, систематизации и анализа исторических данных.

Развитие в XX в. модернистских направлений исторического знания раздвинуло проблемные границы «Мира истории», более того, отразилось на уровне теоретического осмысления места и роли истории. Между смежными науками и историей происходит постоянный обмен концепциями, идеями и «перебежчиками». По образному выражению Ле Руа Ладюри, «история подверглась научной мутации»¹⁸, т.е. произошли перемены, вызываемые изменениями в предмете истории. В этом смысле весьма характерен современный этап в развитии историографии, отмеченный стремлением историков к переосмыслению исходных методологических установок, поиском новых концепций и интерпретаций истории, переоценкой составных элементов системы научного знания о прошлом.

Естественно, что эти процессы нуждаются в осознании и осмыслении. Наше представление о прошлом, сложившиеся исторические мнения приходится время от времени пересматривать, подвергать критике и сомнению, заменять одни положения другими, нередко противоположными. Именно здесь обнаруживаются истоки «переписывания» истории новыми поколениями историков, стремящимися сказать свое слово, проявить свое понимание исторических процессов. Причем, это происходит вовсе не потому, как кажется некоторым, что на смену одной идеологической конъюнктуры приходит другая, а потому, что меняется сам мир, вместе с миром меняемся мы, поколение за поколениями.

Конечно, нельзя полностью отрицать и соображения политической конъюнктуры, но еще более важно понять, что и смена идеологических стереотипов является, в конечном итоге, отражением исторического развития. Именно в ходе сложных и затяжных «боев за историю», бесконечных научных споров, восторженного поклонения и горьких разочарований утверждались исследовательская традиция, научные школы и направления в историческом знании. Бесспорно, это важные шаги на пути познания «Мира истории», но не стоит обманываться... Как известно, «высший суд» истории вершится не в кабинетах исследователей. История жила и живет по своим законам, а нам остается только надежда на их постижение.

Примечания

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С.56.

² См.: Лосев А.Ф. Историческое время в культуре классической Греции

(Платон и Аристотель) // История философии и вопросы культуры. М., 1975. С- 7-61.

••* См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С.282.

⁴ Ключевский В.О. Соч. В 9 т. Т. 6. М., 1989. С.29

⁵ Революционный невроз. М., 1998. С.55.

* Новая и новейшая история. 1997. №3. С.94.

[†] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С.74.

⁸ Тойнби А. Постигание истории. М., 1996.

⁹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1993.

¹⁰ Ахматова А.А. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С.278.

¹¹ Плеханов Г.В. Социализм и политическая борьба // Избранные философские произведения. В 5 т. Т. 1. М., 1956. С. 67.

¹³ Тойнби А. Указ. соч.

¹³ Там же. С.23.

¹⁴ Маркс К. К критике политической экономии. Соч. Т. 12. 4.1 С.195.

" Випер Р.Ю. Две интеллигенции. Сб. статей и публичных выступлений. 1900-1912 гг> М-, 1912. С.141-142

** Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С-306.

¹⁷ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С.367.

¹⁸ Ле Руа Ладюри. История климата с 1000 года. Л., 1971. С.172